

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Н. И. Гаген-Торн

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ О «ТЕМНЫХ МЕСТАХ» «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

(ЗАМЕТКИ ЭТНОГРАФА)

За сто семьдесят лет изучения «Слова о полку Игореве» сделано много для понимания условий возникновения памятника и его места в истории отечественной культуры, для разъяснения «темных мест» поэмы.

Но до сих пор остаются не выясненными до конца три очень важных раздела «Слова», которые считаются испорченными переписчиками:

I. Сон великого князя киевского Святослава. С него начинается центральное по идейному замыслу место поэмы — воззвание к князьям о единении.

II. Образ Всеслава Полоцкого и его потомков. Напоминаю, что Всеслав и Олег Гориславич, дед Игоря Северского, «зачинатели раздоров» — княжеских междуусобий, мешавших единству Руси.

III. Концовка с цитатой из Бояна. Концовка должна подчеркнуть основную мысль произведения. Тема Бояна как бы обрамляет поэму и следовательно концовка важна для правильного понимания «Слова». Однако смысл ее не ясен.

Разъясняя «темные места», мне кажется, надо с большим доверием отнестись к тексту «Слова». Он мог быть испорчен переписчиками, но и мог быть, по непониманию, неверно расшифрован первоиздателями, которые его расчленили на слова, не зная достаточно ни древнерусского языка, ни народных говоров¹. Народные обычаи и говоры, часто хранящие древние формы, могут быть с пользой привлечены для расшифровки². Я пытаюсь именно с этой точки зрения рассмотреть «темные места».

I. Сон великого князя киевского Святослава

Сон Святослава вызвал ряд толкований и все же, как отметил еще А. С. Орлов, он остается пока не объясненным³. Отдельные слова интерпретировались вне общего смысла сна. Между тем нельзя признать удовлетворительной никакую обоснованную лишь палеографически поправку, если она не соответствует в точности смыслу всего произведения. Смысл сна Святослава — предзнаменование несчастья, основанное на серии примет. Приметы понятны Святославу и его боярам. Святослав спрашивает бояр, к кому относятся эти приметы? И бояре отвечают: не к тебе, а к русичам, ушедшим к морю с Игорем и Всеволодом.

¹ Напомню, что единственная рукопись поэмы была написана сплошную.

² В. П. Адрианова-Перетц, «Слово о полку Игореве» и памятники русской литературы XI—XIII вв., Л., 1968, елр. 21.

³ А. С. Орлов, «Слово о полку Игореве», М.—Л., 1938, комментарии, стр. 116—117.

Первым привлек этнографические материалы к разбору сна М. П. Алексеев. Он указал, что «дъскы безъ кнѣга въ моемъ теремѣ златовръсѣмъ» означает грозное предзнаменование, так как «кнѣх» — «князек» и «матица», по воззрениям восточных и южных славян, связаны с многими тревожными приметами⁴. Объяснение примет в сне дает и Д. С. Лихачев⁵. Но фраза: «у Пльсньска на болони бѣша дѣбрь Кисаню и не сошло къ синему морю», как написано в 1-ом издании, остается не понятной. Пльсньск сочли городом, и высказывались разные предположения, где он находится. «Кисаню» Н. В. Шарлемань предложил читать как «Кияню», предполагая, что это река под Киевом⁶. Д. С. Лихачев нашел это предположение палеографически обоснованным, и в последующих изданиях под его редакцией поставлено Кияню. Но остается неясным, зачем Святослав упоминает неведомые город и реку? Поэтому такое изменение текста мне кажется неудовлетворительным. Иное расчленение слов, без изменения текста, объяснит смысл. Предлагаю: «У пльсньска болони бѣша дѣбрьски сани и несоша ю к синему морю», которое перевожу: «У плеса [реки] сани завернуты [сканы] оболочкой [покровом, болонью] и несет их к синему морю». Сани, как доказано еще Д. Н. Анучиным⁷, обязательная принадлежность погребального обряда у славян. Обернутое, закрывающее тело покойника везли на саниах. Подробный анализ всех слов, означающих приметы и общий смысл сна, дан мною в специальной работе⁸. Хочу только подчеркнуть, что бояре растолковали предзнаменование, как относящееся к Игорю потому, что во сне сани несло к морю. Такое истолкование сна связывает его со всей композицией поэмы.

И. Всеслав Полоцкий и его потомки

Автор «Слова» уделяет много внимания князю Всеславу Полоцкому, потому, что он, КУК и Олег Святославич («Гориславич»), дед Игоря, «зачинатели раздоров».

Призыв к единению Руси вызывал воспоминание о том, как «при Ользь Гориславличу съяшется и растяшетъ усобицами, погибашеть жизнь Дажьбожа внука: въ княжихъ крамолахъ вѣщи челоувѣкомъ скратишась». Естественно возникала аналогия с тем, что произошло при внуке Олега, Игоре: еще более ужасный бой с половцами, принесший бедствие Руси. Необходимо было напомнить и о трагической судьбе Всеслава, призывая к единению его внуков.

Место это вызвало недоумение. Д. С. Лихачев увидел тут намек на события, которых мы не знаем (летописи мало говорят о Полоцких князьях и их взаимоотношениях).

«О каком Ярославе здесь идет речь? — писал Д. С. Лихачев. — Может быть это Ярослав Всеволодович Черниговский, как думают одни комментаторы? Или Ярослав Владимирович, внук Мстислава Владимировича, как думают другие. Но эти Ярославы не только не воевали с полоцкими князьями, но не были даже их соседями. Поэтому М. Максимович предполагает, что здесь говорится о Ярославе Юрьевиче Пинском, который имел общие границы с полоцкими князьями и мог (!) вместе с ним воевать против половцев. Однако из контекста «Слова» ясно, что речь!

⁴ М. П. Алексеев, К сну Святослава, в кн.: «Слово о полку Игореве». «Сборник исследований и статей» (далее — Сб. иссл.) Под редакцией В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1950, стр. 227–228.

⁵ «Слово о полку Игореве». Комментарий. Д. С. Лихачева. Школьная библиотека, М 1970 (далее — «Слово о полку Игореве», 1970), примечания, стр. 202.

⁶ Н. В. Шарлемань, «Дѣбрь Кисаню» — «дѣбрь Киянь», в кн.: «Слово о полку Игореве», Сб. иссл. Под редакцией В. П. Адриановой-Перетц, стр. 209–211.

⁷ Д. Н. Анучин, Сани, ладыя и кони в погребальном обряде, «Труды Московского Археологического общества», т. XIV, М., 1890.

⁸ См. Н. И. Гаген-Торн, Думки з приводу «сна князя Святослава» у «Слові полку Игореві», «Народна творчість та етнографія», Київ, 1963, кн. IV.

идет не о войне Ярослава в союзе с полоцкими князьями против половцев, а о междоусобной войне. Автор «Слова» укоряет обе стороны за «которы»⁹ (которы — княжеские раздоры.— Н. Г.).

В другом месте Д. С. Лихачев писал: «В первом издании „Слова“ и в Екатерининской копии читается не „Ярославли“, а „Ярославе и“. Однако никакого Ярослава, ушибыцы которого с „внуками Всеслава“ были бы так велики по последствиям и для Полоцкой земли и для всей Русской, — неизвестно. Вряд ли при этом такой Ярослав оказался бы незамеченным летописью. Ведь в „Слове“ имеются в виду какие-то крупные события. Поэтому предполагаем, что в слове „Ярославе“ при его прочтении первыми издателями, вкралась ошибка: читать следует не „Ярославе“, а „Ярославли вси внуци и Всеславли“, т. е. „Ярославовы все внуки и Всеславовы“. Перед нами призыв прекратить вековые раздоры между князьями — потомками Ярослава Мудрого и полоцкими князьями — потомками Всеслава Полоцкого»¹⁰.

Свое мнение Д. С. Лихачев обосновал палеографически: «Я предполагаю, что в слове „Ярославе“ при его прочтении издателями вкралась ошибка. В этом слове издатели не прочли выносного „л“. Читать следует не „Ярославе“ а... „Ярославли и вси внуце Всеславли“¹¹. В последующих изданиях текст дается согласно этому предположению¹². Потребовалось не только вставить пропущенное будто бы выносное «л», но изменить местоимение «которое» на имя существительное «котора», переместить союз «и»? Не лучше ли обойтись без этого, иначе разделив слова?

«Трубы трубят городенския: „яро славеи вси внуце Всеславли! Уже понизить стязи свои, вонзить свои мечи верезени! Уже бо выскочисте из Ладней слав-б. Вы бо своими крамолами начясте наводити поганые на землю рускую, на жизнь Всеславию. Которое бо б-вше насилие оть земли Половецкый?». По нашему мнению, автор спрашивает славимых им Всеславичей, которое по счету насилие терпит Русь от половцев.

Форма вопроса постоянно употребляется автором «Слова». С вопроса начинается введение. Задается вопрос Бояну о форме зачина. Риторический вопрос автора: «что ми шумить, что ми звенить?». Вопрос **Святослава**: «Се ли сотворите моей сребреней съдин'в?». Вся речь Святослава к князьям дана в вопросительной форме: «не ваю ли вой злачеными шеломы по крови плаваша?». «Не ваю ли храбрая дружина рыкают аки тури?» и т. д.

Это четко выраженный художественный прием, проходящий через всё «Слово», оказывающий эмоциональное воздействие, как бы заставляя участвовать в происходящих событиях, быть сострадалями скорби за Русь.

Следует ли заменить вопросительную форму, поставив существительное «котора?». Сомневаюсь. В. П. Адрианова-Перетц писала: «Из двух названий княжеских раздоров — „крамола“ и „котора“ автор „Слова“ предпочитает первое: он употребил его пять раз, слово „котора“ бесспорно, содержится в обращении к Ярославу и внукам Всеслава... Здесь автор явно хотел избежать повторения и поставил синоним слова „крамола“». В. П. Адрианова-Перетц признает: «Все же видим явное пред-

⁹ Д. С. Лихачев, Исторический и политический кругозор автора «Слова о полку Игореве», в кн.: «Слово о полку Игореве». Сб. иссл. Под редакцией В. П. Адриановой-Перетц, стр. 15.

¹⁰ «Слово о полку Игореве», «Библиотека поэта», Мал. сер., Л., 1953, Примечания, стр. 266.

¹¹ «Слово о полку Игореве. Сб. иссл. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц, стр. 15—16.

¹² «Слово о полку Игореве», 1970, стр. 88.

¹³ Отпадает гадание о неведомом Ярославе, остается эпитет «яро», очень любимый автором «Слова». Он употребляет его два раза по отношению к Всеволоду: «поскеланы саблями калеными шеломы оварьския оть тебе ярь туре Всеволоде» и «ярь туре Всеволод! стоиши на борони».

¹⁴ В. П. Адрианова-Перетц, «Слово о полку Игореве» и памятники русской литературы XI—XIII вв., стр. 99.

почтение в „Слове” названия „крамола”. Примеры на слово „крамолы” идут с XI в. в летописи и в переводной литературе¹⁵. Еще Е. В. Барсов писал, что относительное местоимение «который» было одним из оснований для сомнений в подлинности «Слова», но оно встречается во всех переводах XI—XII веков¹⁶.

Отмечу, что Ярослав дальше не упоминается, речь идет о самом Все-славе. Место это тоже требует разъяснения. Для наглядности приведу тексты (курсив мой.— Н. Г.):

Текст первого издания	Предлагаемое мною разде- ление слов
«На седмомъ в*бѣ Трояни връже Всеславъ жребий о <i>дѣвицю</i> себѣ любу».	На седмомъ вѣлѣ Трояни връже Всеславъ жребий <i>одѣ вицю</i> себѣ любу.
Тѣй клюками подперся о <i>кони</i> и скочи къ граду Киеву и дѣтчеся стружиемъ злата стола киевского. Скочи отъ нихъ лютымъ звѣремъ въ плъночи изъ Бѣмгаграда, объсися синѣ мглѣ. <i>Утрѣ же возни стрикусы</i> отвори врата Новуграду, расшибе славу Ярославу, скочи влѣкомъ до Немиги...	Гѣй клюками подперся <i>окони</i> и скочи къ граду Киеву и дотчеся стружиемъ злата стола киевского. Скочи отъ нихъ лютымъ звѣремъ въ плъночи изъ Бѣлаграда объсися синѣ мглѣ. <i>Утрѣ же вазни съ три кусы:</i> отвори врата Новуграду, расшибе славу Ярославу, скочи влѣкомъ до Немиги...

Понятно почему первые ученые, работающие над «Словом», прочли «о дѣвицю себе любу». Слова «вица» они не знали, а упоминание девицы казалось привычным атрибутом героической поэмы. Позднейшие исследователи стали видеть в «Дѣвице» аллегорию, подразумевая Киев, овладеть которым мечтал Всеслав.

Киев вряд ли подходит к такой аллегории, он поэтически не вызывает образ девицы. С дальнейшим текстом «Слова» аллегория не связана и нигде не встречается.

Если иначе разбить слова — смысл прояснится. *Одѣ* (аорист глагола «одеть») форма, часто встречаемая в «Слове», сочетаемая в данном раз-деле с аористом: «утрѣже» и «расшибе славу Ярославу».

Слово «вица — вить» существует в народных говорах. У Даля: «искру-ченная, иногда свитая в два-три прута, хворостина для связки, скрепы, скруты. ...Вичить — крепить, вязывать вицей» (т. I, стр. 209). Всеслав «одел вицю», т. е. «скрутил» хитросплетения для достижения власти.

«Той клюками подперся о кони и скочи ко граду Киеву». Д. С. Лихачев переводит эту фразу: «Он хитростями оперся на коней и скакнул к городу Киеву». И поясняет, что здесь намек на исторические события: киевляне выпустили Всеслава из тюрьмы, где его держал Изяслав и позвали на княжение потому, что он обещал дать им коней и оружие для обороны Киева¹⁷. Но выражение «опереться о кони» очень неясно, образ мало убедителен. Мне кажется более убедительным прочтение «окони», как предложил поэт Алексей Югов, указав, что в новгородской речи существует глагол «оконить»; у В. И. Даля приведено выражение «Оконил

¹⁵ В. П. Адрианова-Перетц, «Слово о полку Игореве» и памятники русской литературы XI—XIII вв., стр. 99.

¹⁶ Е. В. Барсов, «Слово о полку Игореве» как художественный памятник Киев-ской дружинной Руси, 1889, т. III, Словарь; «который».

¹⁷ «Слово о полку Игореве», 1970, стр. 213—214.

в избе своей мир», «покой» (т. I, стр. 661). За правильность этой поправки, помимо общего смысла, говорит и то, что нигде в «Слове» кроме этого места, не употребляется слово «конь», а всюду употребляется «комонь». Вряд ли нужно делать тут исключение, читая «конь». Для понимания «сочи» А. Югов ссылается на галицко-волинскую летопись, цитированную И. И. Срезневским: «Асаф (епископ) сочи на стол митрополич», где «сочи» имеет значение «занять, самовольно захватить»¹⁸.

При таком толковании, не меняя текста, мы получим развернутую картину: «замыслив хитросплетение, хитростями (клюками) утвердился Всеслав и, окончив захват града Киева, коснулся оружием золотого стола Киевского».

Немало догадок вызвало слово «стрикусы». Болгарский ученый Н. М. Дылевский в специальной статье подытожил взгляды исследователей на это слово и поиски аналогии ему в других языках. «Современные исследователи с большей или меньшей уверенностью связывают его с древне-верхненемецким *strit-akis, strit-achus* — боевая секира», — писал Н. М. Дылевский. При анализе этого неизвестного русской лексике слова «с точки зрения его правдоподобности и оправданности как лексемы в тексте «Слова», мы должны принять во внимание два основных момента: 1. Незасвидетельственность формы «стрикус» словарем не только древних восточнославянских, но и древних западных и южнославянских наречий. 2. Доказуемость этимологической связи слова «стрикус» с его предполагаемым древнегерманским прототипом¹⁹. Многие комментаторы объясняют «стрикусы» как «секиры».

Совершенно иначе перевел это место Р. О. Якобсон. Он обнаружил в Екатерининской копии написание: «утъже вазнерс три кусы» и это навело его на мысль расшифровать: «утръже» — как аорист от глагола «уторгнути — урвать»; «вазни» — родительный падеж единственного числа существительного «вазь» — удача. Перевод: «урвал удачи с три куса». Сочетание числительного «три» с формой существительного во множественном числе «кусы» вполне закономерно в русском языке вплоть до XVI в.

Большая убедительность этого перевода в том, что дальше говорится именно о трех удачах: 1. Отвори врата Новуграду. 2. Расшибе славу Ярославу. 3. Скачи волком до Немиги. Три куса счастья урвал Всеслав, окончив хитросплетения.

В издании 1970 г. Д. С. Лихачев принял догадку Р. О. Якобсона: «Толкование этого места, обычно принимавшееся до сих пор, не может в настоящее время считаться правильным. Мы принимаем здесь деление на слова, предложенное Р. Якобсоном в 1948 г.»²⁰

III. Концовка поэмы

Концовка поэмы начинается со слов «Рекъ Боянь». Исследователи считают, что автор «Слова» приводит поговорку Бояна «тяжко ти головы кромѣ плечю, зло ти тѣлу кромѣтз головы», а остальное говорит от себя. Но общий смысл концовки остается неясным.

Д. С. Лихачев писал: «Место это настолько испорчено, что не позволяет сколько-нибудь уверенно его исправить. Удовлетворительнее всего объясняется текст, если принять предложенное И. Е. Забелиным прочтение „ходы на" (так в издании 1800 г. и в Екатерининской копии), как „Ходына", предположить в этом Ходыне певца вроде Бояна, а в „хоти" видеть двойственное число от „хоть" любимец (ср. это же слово в объяснении места „с хотию на кров"). Это прочтение и принято нами в пере-

¹⁸ А. Югов, «Слово о полку Игореве», М., 1970, стр. 136.

¹⁹ Н. М. Дылевский, «Утрь же возни стрикусы, отвори врата Новуграду», в «Слове о полку Игореве»..., «Труды отдела древнерусской литературы», т. XVI, Л., 1960, стр. 62.

²⁰ «Слово о полку Игореве», 1970, Примечания, стр. 214.

воде.»²¹ Написания «Ходына» придерживались многие ученые, мотивируя это грамматически правильным сочетанием двойственного числа — «песнотворца» и «хоти».

Но грамматическое объяснение еще не все. Как бы ни толковать отдельные непонятные слова, необходимо выяснить общий смысл концовки: значение цитаты из Бояна, понимание отношения автора к Бояну. Прибавление еще одного певца Ходыны ничего не объясняет.

Образ творца «Слова» нам представляется достаточно разъясненным работами советских исследователей. Д. С. Лихачев писал, что это «человек широкой исторической осведомленности». «Исторический комментарий к „Слову“, раскрытие его исторических параллелей, сопоставлений, исторического значения тех или иных выражений и мыслей автора „Слова“, открывает в „Слове“ все большие и большие примеры поэтической точности и исторической содержательности. Точность его исторических и политических указаний — это одна из важных особенностей поэтики „Слова“»²², — утверждал он.

И. П. Еремин также очень высоко ставил политическую осведомленность и патриотизм автора «Слова». «Зыбкое соотношение между речью героя и речью автора „Слова“ знак, что автору в „Слове“ принадлежит далеко не последнее место. Он действительно заполняет собой все произведение от начала до конца. Голос его отчетливо слышен везде: в каждом эпизоде, едва ли не в каждой фразе. Именно он, „автор“ вносит в „Слово“ и ту лирическую стихию, и тот горячий общественно-политический пафос, которые так характерны для этого произведения»²³, — писал И. П. Еремин.

Д. С. Лихачев показал разницу позиций Бояна и творца «Слова». Боян — придворный поэт, поющий хвалы подвигам князей; Творец «Слова» — певец народный: «Все „Слово“ проникнуто единым патриотическим настроением и единой патриотической идеей единства Русской земли... Он (автор. — *Н. Г.*) творит идеи, потребность в которых живо ощущалась в его время. Он — око и ум народа. Он высказывает то, что должно быть высказано. Вот почему автор „Слова“ неразрывен со своим народом и своей эпохой, его породившей»²⁴.

В работах Д. С. Лихачева раскрыт общественный замысел «Слова о полку Игореве», дан величавый образ поэта-патриота. Концепция эта, бесспорно убедительная и яркая, принятая большинством советских ученых, показывает связь «Слша» со своей эпохой.

Апофеозом филологического метода стала книга В. П. Андриановой Перетц, сделавшей невероятно трудоёмкую работу: найти в древнерусской литературе аналогии каждой фразе «Слова о полку Игореве» и доказать неоспоримую связь лексики и синтаксиса «Слова» с древнерусской литературой до монгольского периода, его принадлежность XII веку. «Автор «Слова» прочно связан с этой почвой, он питается ею и все же он опережает писателей своей эпохи так же, как опередил позднее Пушкин своих современников. Поэтическое дарование автора — вот единственная сила, поднявшая «Слово о полку Игореве» над всей окружающей его литературой»²⁵, — писала В. П. Андрианова-Перетц. — В создании поэтической системы «Слова», — указывала она, — играла роль устная народная поэзия и опыт, накопленный к концу XII века в обширной переводной византийско-болгарской и русской литературе исторических

²¹ «Слово о полку Игореве», 1970, стр. 279, примеч.

²² Там же, стр. 50 (31).

²³ И. П. Еремин, «Слово о полку Игореве», как памятник политического красноречия», в кн.: «Слово о полку Игореве». Сб. иссл. Под ред. В. П. Андриановой-Перетц, стр. 11/1.

²⁴ «Слово о полку Игореве», Сб. иссл. Под ред. В. П. Андриадаой-Перетц., стр. 50—51.

²⁵ В. П. Андрианова-Перетц, «Слово о полку Игореве» и памятники русской литературы XI—XIII вв., стр. 40.

повествовательных, религиозно-учительских жанров, в гимнографии и торжественном ораторстве²⁶. Всецело приняв концепцию Д. С. Лихачева и В. П. Адриановой-Перетц о поэте-патриоте, призывающем к единению Руси, мы останавливаемся перед вопросом: как мог автор, страстно требующий единения, воспеть славу Игорю, нарушавшему это единение и своим походом навлекшему на Русь бедствия половецкого набега? Как мог он этого князя, неудачливого в походе, назвать «Солнцем Руси» и уверять, что о северском князе «девицы поют на Дунае, а голоса их слышны в Киеве»? Как мог творец «Слова», поэт величайшей силы, у которого каждое слово несет глубокий и значительный смыслообраз, только постепенно нам раскрывающийся, начав с заверения, что он не будет славословить, а покажет трагическую сущность событий, кончить славословием Игорю Северскому?

С моей точки зрения, он этого не мог делать и не делал: славословия концовки относятся вовсе не к Игорю Северскому, а к другому Игорю, воспетому Бояном.

Если мы, не меняя слов, иначе их разделим, смысл концовки проявится. Приведу параллельно чтение Д. С. Лихачева и предлагаемое мною: (курсив мой.— Н. Г.)

Рекъ Боянь и *Ходына*
Святъславля гѣсьнтворца
старого времени *Ярославля*
Ольгова коганя хоти:
«Тяжко ти головы кромѣ плечю,
зло ти тѣлу кромѣ головы.
Руской земли безъ Игоря.
Солнце светится на небесѣ—
Игорь князь въ Руской земли;
дѣвицы поють на Дунай,
вьются голоси черезъ море до
Киева».

Рекъ Боянь и *ходы на*
Святъславля, гѣсьнтворца
старого времени *яро славля*
Ольгова коганя хоти:
«Тяжко ти головы кромѣ плечю,
зло ти гѣлу кромѣ головы.
Руской земли безъ Игоря.
Солнце светится на небесѣ,
Игорь князь в Руской земли;
девицы поють на Дунай,
вьются голоси черезъ море до
Киева».

Отрывок раскололся в сознании исследователей, которые ставят в вычки, и берут, как поговорку Бояна, только первую половину фразы «тяжко ти головы кромѣ плечю, зло ти тѣлу кромѣ головы», в силу рассуждения, что Боян, древний певец, не мог говорить об Игоре Северском.

Но Боян говорил о другом Игоре. Автор «Слова», чтобы не могло для его современников возникнуть недоразумения, поясняет, о каком Игоре была речь Бояна, вводным предложением: «Рекъ Боянь и ходы на Святославля пѣхнтворца старого времени яро славля Олега коганя хоти». По И. И. Срезневскому «хоть» значит «любимец», «воспитанию»²⁷. Слово «хоти», понимаемое как «любимец», «воспитанник», можно рассматривать не как двойственное число, а как единственное, поставленное в родительном падеже вместо винительного. Слово «пѣхнтворца» С. П. Обнорский объяснял тоже как родительный падеж одушевленного лица. «Прямой объект от одушевленных имен существительных в единственном числе,— писал он,—выдержанно выражается в памятнике не винительным, а родительным падежом»²⁸. У того же И. И. Срезневского есть слово «ход», «ходы» в значении — «движение, ход, путь»²⁹ «Ходы на Святославля» можно прочесть, минуя «Ходыну», ненужного по смыслу произведения.

²⁶ Там же, стр. 27.

²⁷ И. И. Срезневский, Материалы для словаря древнерусского языка, т. III, стлб. 1389.

²⁸ С. П. Обнорский, Очерки по истории русского литературного языка старшего периода, М.—Л., 1946, стр. 164.

²⁹ И. И. Срезневский, Указ. раб., т. III, стлб. 1382.

Написание «Ярославля» в этой фразе следует читать «яро славля». Эпитет «яро», «ярый» мы уже встречали в «Слове» (см. примеч. 13). «Славлят, люблят» — старая форма, до сих пор встречаемая в говорах гуцулов и лемков.

Всю фразу следует понимать как вводное предложение перед цитатой из Бояна, данное, чтобы уточнить, о каком Игоре идет речь: о хопи Олега-когана. Хазарский титул когана носили великие князья Владимир I и Ярослав Мудрый, как видно из «Слова о законе и благодати» митрополита Иллариона³⁰. Совершенно естественно, что этот титул принял и победитель хазар Олег, имевший «хотю» — Игоря Рюриковича.

О том, что Боян прославлял основателя династии Игоря Рюриковича, помнили вплоть до XIV века. Об этом писал автор «Задонщины» Софний. Это произведение, написанное во славу победы Дмитрия Ивановича Донского, носит явные следы влияния «Слова о полку Игореве», но не упоминает ни эту поэму, ни ее автора.

В одном из списков «Задонщины», в списке К-Б, Софоний пишет: первое всех вошедъ восхвалимъ вѣщего Бояна въ городе Кieve горазда гудца. Той бо в-ъщий Боян воскладая свои златыя персты на живыя струны, пояше славу русскимъ княземъ: первому князю Рюрику, Игорю Рюриковичю, Святославу Ярославичю, Ярославу Володимировичю, восхваляя ихъ пѣсми и гуслеными словесы». Во всех списках «Задонщины» мы находим более или менее ясно сохранившееся упоминание о Бояне, прославлявшем первых князей³¹.

В. П. Адрианова-Перетц объясняет это так: «взамен перечня неизвестных ему героев песен Бояна, Софоний, в соответствии со своими историческими представлениями, назвал имена тех крупнейших киевских князей, от которых вели свой род в XIV веке московские великие князья (Игоря Рюриковича, Владимира Святославича и Ярослава Владимировича)»³².

Но эти исторические воззрения, — традиция славить предков воспеваемого героя, — существовали не только в XIV в. Связь со славой предков очень ясна в «Слове»: воины Ярослава побеждают «звоняче в прадѣдню славу», о Всеславичах говорится: «выскочите из дѣдней славы»; о Мстиславах «не худа гнѣзда шестокрыльци».

Придворный певец, воспевавший князей, конечно, должен был сложить песню о родоначальнике династий, и эта песня была широко известна. Она-то и легла в основу замысла «Слова о полку Игореве»: противопоставить прославление «деда» — предка, реалистическому описанию похода на половцев «внука» — Игоря северского. Замысел ясный и политически действенный для всех князей, которых «Слово» призывало к единению.

При таком понимании концовки разъясняется обращение к Бояну и в начале поэмы: «О Бояне, соловью старого времени. Абы ты сии плѣкы ущекоталъ, скача, славлюю, по мыслену древу, летая умомъ подь облакы... Пѣти было пѣснь Игореву тогу внуку».

Находя фразу непонятной — какого «того Игореву?» — Первоиздатели решили: тут пропуск слова Олега и вставили его в текст, думая, что речь идет об Олеге Гориславиче, деде Игоря. Если признать, что Боян пел об Игоре Рюриковиче, обращение к Бояну становится понятным.

Творец «Слова» противопоставляет себя Бояну и идеологически и стилистически. Боян — придворный певец, прославляющий князей, а творец «Слова» горько бросает им упрек в гибели земли русской. Он обрзаванный, глубоко знающий историю и современность своей страны, патриот, но не придворный, а народный певец.

³⁰ М. И. Артамонов, История хазар, Л., 1962, стр. 366.

³¹ «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла», М.—Л., 1966, стр. 548.

³² В. П. Адрианова-Перетц, «Слово о полку Игореве» и «Задонщина», в кн.: «Слово о полку Игореве — памятник XII в.», М.—Л., 1962, стр. 136.

Боян пел пышные, исполненные метафор, гимны. Автор показывает это, начиная со сложной метафоры — аллегории о перстах Бояна, подобных соколам. Метафора столь витиевата и столь далека от народного творчества, что исследователи долго не понимали ее, потому что считали Бояна простодушным певцом, импровизатором.

Обращаясь к Бояну, как бы он воспел эту трудную повесть, автор приводит два зачина: первый — «не буря соколы занесе чрезъ поля широкая» — типичный зачин народных песен. Но автор спрашивает Бояна: ИЛИ «вьсп-ъти было втлщй Бояне, Велесовъ внуче: „Домони ржуть за Сулою, звенить слава в Киев-ъ; трубы трубятъ в Нов'Брадъ"». И далее, в том же ритме и стиле, идет описание воинских сборов в поход. Описание высокаторжественное, совсем не похожее на народную песню и явно противопоставляемое первому зачину. По ритму оно напоминает те метафоры, которыми описываются славословия Бояна в начале вступления. Это славословие — стилизация под Бояна.

Отказываясь от обоих зачинов, которые он показал в отступлении, обращенном к Бояну, резко меняя ритм, автор возвращается к своему началу, подчеркивая этот прием повтором. Начало: «Тогда Игорь възр'Б на светлое Солнце». После отступления: «Тогда вступи Игорь князь въ златъ стремень и по-хва по чистому полю. Солнце ему тьмою путь заступаше...» Тут не может быть и речи о «спутанных страницах», как считал Н. К. Гудзий. Отступление совершенно сознательно показывает два зачина, которыми не будет пользоваться автор, для того, чтобы яснее определить свой стиль, отличный и от народной песни, и от рыцарского славословия в духе Бояна.

Кто же был Боян и почему автор противопоставляет ему себя?

Имя Боян чрезвычайно распространено в Болгарии наряду с другими протоболгарскими именами, как Крум, Аспарух и т. д. Встречается оно и в географических названиях и в исторических источниках³³. Это побуждает обратиться к болгарскому кругу возможных поисков и сближений.

Д. С. Лихачев указал на существование при феодализме единой «наднациональной культуры»³⁴. К общей «наднациональной» культуре для славянских стран принадлежит созданная Кириллом и Мефодием письменность.

Указывая на самобытность путей древнерусской литературы и развитие древнерусского языка, акад. В. В. Виноградов отмечал: «было бы ошибочно недооценивать роль воздействия болгарской культуры и старославянского языка в образовании древнерусской письменности»³⁵. И, далее: «таким образом, к настоящему времени, с полной очевидностью раскрылась общая картина многообразия разновидностей или стилей древнерусского литературного языка, зависевших от характера и степени использования старославянского языка, восточнославянской речи и стилистики восточнославянского народного поэтического творчества»³⁶.

«Слово о полку Игореве» — это рождение литературно-поэтического народного языка из всех перечисленных В. В. Виноградовым элементов.

Замысел поэмы многогранен, построен на противопоставлениях и идеологических и стилистических: она противопоставляет: 1. Двух Игорей — «деда», объединявшего Русь, «внуку», нарушившему единение. 2. Болгарина Бояна, носителя «наднациональной культуры», развивав-

³³ А. Ф. Гильфердинг, История сербов и болгар, Собр. соч., т. I, СПб., 1863, стр. 35; В. Н. Златарекий, История на българската държава прещъ средновековие, т. I, София, 1918.

³⁴ Д. С. Лихачев, Древнеславянские литературы как система, «Славянские литературы», VI Международный съезд славистов (Прага, август, 1968, стр. 24).

³⁵ В. В. Виноградов, Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка, Сб. «Исследования по славянскому языкознанию», Ж, 1961, стр. 14.

³⁶ Там же, стр. 18.

ше на Руси канонические произведения византийско-болгарской традиции, народному певцу, создателю нового стиля и жанра, опирающегося на образы народной поэзии.

Комментируя текст «Слова» Д. С. Лихачев признает, что образ «рас-текашся мыслию по древу» имеет книжный характер. «Замечательно,...— пишет Д. С. Лихачев,— что все эти немногие книжные, искусственные обороты встречаются по преимуществу в начале „Слова“»³⁷. Понятно: они встречаются именно там, где автор говорит о манере Бояна или нарочно стилизует под Бояна воинскую речь Всеволода, противопоставляя ее своему зачину.

Официальное прославление придворным певцом князя, несомненно должно было идти в стиле, выработанном «наднациональной» культурой. Формы его были выработаны в византийско-болгарской литературе, принесены на Русь не только литературой, но и живыми людьми, приезжавшими из Болгарии в XI веке книжниками, распространившими «наднациональную культуру» в русской княжеской среде. По нашему мнению, есть все основания предполагать, что Боян был одним из таких ученых книжников при княжеском дворе. За это говорит не только витиеватый, полный сложных метафор, стиль его, на который указывает автор «Слова», но и концовка: «Девичы поют на Дунае, голоса вьются через море до Киева». Именно болгарину было интересно указать, что поют на Дунае, как там отзываются на русские события? И он вложил это в песнь, прославлявшую Игоря Рюриковича.

На этом автор «Слова» кончает цитату из песни Бояна, переходя в своей лапидарной манере, к Игорю Святославичу. «Игорь едет по Боричеву къ свягъй богородици Пирогошей. Страны ради, гради весели. Страны и грады веселятся не тому, что он освободился из плена, а тому, что он поехал сразу в Киев. Этим автор подчеркивает: Игорь признал свою ошибку несогласованного похода, готов подчиниться единству Руси: под главенством киевского князя. Именно поэтому надо петь ему славу. Так завершается поэма о необходимости единения «земли русской».

Задача настоящей статьи — показать, что для понимания «темных мест» «Слова о полку Игореве», и вместе с тем и для понимания основного замысла поэмы мало филологического анализа; неправильно и отнюдь не к поэме только как письменному историческому источнику.

«Слово» — художественное произведение. Оно построено по законам художественного творчества, т. е. эмоционального воздействия образа. Раскрыть и понять структуру образов поможет употребляемый в этнографии ретроспективный (как назвал его Д. К. Зеленин) метод, т. е. протягивание связующей нити от фактов, сохранившихся в народной жизни, в глубину прошлого.

В русской культуре имя Боян встречается только в «Слове о полку Игореве». В Болгарии — с X в. до наших дней. Возникает вопрос: не следует ли проследить проникновение его на Русь из Болгарии и тем установить еще одну ниточку связи в духовной культуре этих славянских народов? Такова этнографическая задача. Но чтобы перейти к ее решению необходимо сначала рассмотреть недостаточность и спорность чисто-филологических методов исследования темных мест в «Слове о полку Игореве». В журнальной статье, разумеется, можно лишь наметить пути: к решению такой задачи*

SOME NOTES ON THE OBSCURE PLACES IN THE «STORY OF PRINCE IGOR'S CAMPAIGN»

The author shows that mere philological analysis is insufficient for the understanding of the «Story of Prince Igor's Campaign». The imagery of this epic may be interpreted with the aid of various methods, among them—the retrospective method employed in ethnography, i. e. a comparison of the poem's contents with actual historical facts.

³⁷ «Слово о полку Игореве», 1970, стр. 184, примеч.